

СВИДЕТЕЛЬ
ЭПОХИ

АНАТОЛИЙ КУЧЕРЕНА

22 ДЕЛА

ИЗМЕНИВШИЕ РОССИЮ

ОТ «КОРОБКИ ИЗ-ПОД КСЕРОКСА»
ДО «КАЗУСА СНОУДЕНА»

МОСКВА
2016

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К95

Дизайн переплета: *Александр Щукин*

Фотография на обложке: © *Юрий Мартьянов / Коммерсантъ*

В коллаже на обложке использована иллюстрация:
Mironow / Shutterstock.com
Используется по лицензии от *Shutterstock.com*

Кучерена, Анатолий Григорьевич.

К95 22 дела, изменившие Россию. Новейшая история глазами адвоката / Анатолий Кучерена. — Москва : Эксмо, 2016. — 704 с. — (Свидетель эпохи).

ISBN 978-5-699-89875-6

В этой книге собраны воспоминания Анатолия Кучерены из реальной адвокатской практики, которая началась практически одновременно с историей новой России. Здесь истории с адвокатской «кухни» складываются в историю страны.

Вы станете свидетелем противостояния молодого адвоката с всесильным тогда мэром Москвы Юрием Лужковым — Анатолий первым выиграл суд у столичного градоначальника. Узнаете, как фактически в одиночку Кучерена защищал Ларису Лазутину и Ольгу Данилову против могущественных международных бюрократов из ВАДА и МОК.

Именно к Анатолию Кучерене обратилась вдова генерала Льва Рохлина Тамара в почти безнадежной попытке доказать, что она не могла убить своего мужа. Среди его доверителей — Иосиф Кобзон и Никита Михалков, министры и сенаторы и даже один «международный шпион» — Эдвард Сноуден.

Оказавшись «изнутри» всех этих и других, не менее важных дел адвоката Кучерены, вы убедитесь, что незаметная, кропотливая и порой неблагодарная работа юриста действительно может изменить страну.

УДК 821.161.1-3

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Кучерена А.Г., 2016

© Издание, оформление

ISBN 978-5-699-89875-6

ООО «Издательство «Эксмо», 2016

Вместо вступления

В поисках смягчающих обстоятельств

Люди моего поколения могут с полным правом сказать о себе словами поэта Федора Тютчева:

Блажен, кто посетил сей мир
В его минуты роковые!
Его призвали всеблагие
Как собеседника на пир.

Он их высоких зрелищ зритель,
Он в их совет допущен был –
И заживо, как небожитель,
Из чаши их бессмертье пил!

Действительно, мы стали свидетелями и участниками грандиозных событий в истории человечества: окончание «холодной войны», падение Берлинской стены, отчаянная попытка радикальной перестройки «реального социализма» и его неизбежное крушение, исчезновение с карты мира социалистического лагеря, распад СССР, а вслед за этим — мучительное, драматическое, героическое, порой трагическое становление какой-то новой России. Пока еще не вполне ясно, какой именно, но, во всяком случае, совершенно не похожей ни на дореволюционную Российскую империю, ни на СССР, ни на страны западной либеральной демократии — как это для кого-то ни прискорбно.

О том, что мы видели и пережили, вне всякого сомнения, будет написано в учебниках истории, и те, кто будут по этим учебникам учиться, наверняка будут спрашивать нас: «А как все-таки было на самом деле?» И, наверное, долг каждого — попытаться, в меру своих литературных дарований, рассказать об этом.

В то же время книжный рынок современной публицистической и правовой литературы настолько перенасыщен, что мне иногда кажется, что каждый, кто дерзает предложить вниманию читателей новую книгу, должен остро переживать чувство вины и пытаться представить нечто вроде самооправдания.

Эта вина усугубляется еще и тем, что ремесло адвоката в нашей стране традиционно не пользуется особой народной любовью. О дореформенных «ходатаях по делам» адвокат П. А. Потехин писал в своих воспоминаниях: «Таких адвокатов называли ябедниками, кровопийцами, чернильными душами, но самое меткое название было “крапивное семя”. В этом названии сказался русский человек, легко и метко отыскивающий клички. Действительно, крапива растет на всяком мусоре, около заборов, не нуждается в хорошей почве, очень раскидиста, имеет довольно хорошую зелень, но соприкосновение с нею опасно, она так жжет, колет и оставляет занозы, что сравнение подобных адвокатов старого времени с крапивным семенем совершенно верно».

Но даже в период расцвета российской адвокатуры, начиная с середины 60-х годов XIX века, на страницах изданий всех направлений звучали уничижительные отзывы. Поэт Н. А. Некрасов, считавшийся в то время крайне левым либералом, «коноводом революции», в своей поэме «Современники» представил откровенный пасквиль на новый суд, где:

Не щадят ни заслуги, ни звания.
Адвокатам одним только рай:
За лишение прав состояния –
И за то теперь деньги подай.

В свою очередь, не любивший адвокатов консерватор Ф.М. Достоевский называл их «прелюбодеями мысли», утверждая, что «адвокат — это обреченный на бессовестность человек». И это провозглашалось в то время, когда в России блистало целое созвездие великолепных адвокатов, перед которыми мы все — просто бледные тени. Что уж говорить о временах нынешних?

Впрочем, остается утешить себя тем, что в этом плане мы не одиноки. В США, например, нет профессии, к которой граждане относились бы с большей иронией и даже неприязнью, чем профессия адвоката. Во всяком случае, едва ли не 90% американских анекдотов посвящено адвокатам.

Вот, например, такой, пожалуй, самый мягкий и благопристойный. Папа римский и некий адвокат одновременно попадают в рай. Едва они оказываются перед воротами небесного царства, как замечают ужасную суету: навстречу им летят ангелы, бегут святые и праведники, а за ними поспешает и сам святой Петр, и все они выражают неопишемую радость. Однако, подойдя поближе, обитатели небесного царства дружно устремляются к адвокату, пожимают ему руки, трясут за плечи, обнимают и поздравляют, оставляя главу католической церкви без малейшего внимания. Римский папа в глубоком недоумении.

— Могу ли я поинтересоваться, в чем дело? — спрашивает он святого Петра.

— Не волнуйтесь, — отвечает ему святой Петр. — Папы римские к нам уже прибывали, и не раз, а вот адвоката мы видим впервые.

Были у меня и другие сомнения. Дело в том, что в настоящее время мне больше по душе пробовать себя в жанре авантюрного романа. Их у меня в общей сложности три, сейчас работаю над четвертым. Возможно, после того как они увидят свет, я, испив мегалитры яда, который выльют на мою голову взыскательные литературные критики, вернусь к научной работе и документальным повествованиям.

Но были и соображения иного рода. Наверное, я мог бы сказать о себе словами героя романа Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита»: «Жизнь моя сложилась не совсем

обычно». Точнее, настолько необычно, что с некоторых пор я даже перестал удивляться событиям, со мной происходящим. Когда 11 июля 2013 года мне позвонила моя помощница Валентина (я тогда находился за границей) и сообщила, что бывший сотрудник ЦРУ и АНБ Эдвард Сноуден приглашает меня на встречу в аэропорт Шереметьево, я поначалу подумал, что это один из тех жестоких розыгрышей, которым мои друзья подвергают меня иногда. Но уже в начале 2014 года, когда всемирно известный кинорежиссер Оливер Стоун, чьи фильмы буквально потрясли меня в годы моей молодости, сообщил мне, что желает приобрести права на экранизацию моего первого в жизни романа «Время спрута», я удивился не столь сильно. Как ни странно, к необычным событиям привыкаешь не менее быстро, чем к рутине. Наверное, если дела пойдут аналогичным образом, в тот момент, когда мне позвонит папа римский собственной персоной и попросит проконсультировать его по вопросам канонического права, я восприму это как должное.

Не подумайте, впрочем, что я уже превратился в одну из тех самодовольных «говорящих голов», которые день и ночь вещают с телеэкранов, с легкостью необыкновенной давая ответы на любые проблемы современности. Если говорить серьезно, я считаю, что уже много лет подряд мне просто невероятно везет. Это везение свалилось на меня в июне 1996 года, после прогремевшего на всю страну дела о «коробке из-под ксерокса». До этого я восемь лет работал юрисконсультom в различных учреждениях и организациях, а затем и начинающим адвокатом, пребывая при этом в полнейшей безвестности и не особенно переживая по этому поводу. Кажется, Гарри Трумэн говорил, что в США есть миллион человек, которые могут выполнять президентские обязанности уж точно не хуже, чем он сам. Аналогичным образом мне казалось, что в России работают тысячи адвокатов, никак не менее знающих и подготовленных, чем я сам, и к тому же значительно более опытных. Словом, я никогда не страдал ни манией величия, ни комплексом неполноценности, что, как известно, характеризует психически здорового и эмоционально уравновешенного человека.

А вот после происшествия с «коробкой» громкие дела и «звездные» доверители посыпались на меня как из рога изобилия. Это обстоятельство в самом деле могло бы вскружить голову психологически менее устойчивому субъекту. Не знаю, что повлияло на мои успехи — звезды, судьба, карма или нечто иное из арсенала астрологов и мистиков. Во всяком случае, такого рода предположения представляются мне более вероятными, чем различные «теории заговора». Спешу разочаровать их приверженцев: я не масон высокого градуса посвящения, не *consigliere* какого-нибудь «крестного отца» международной мафии и не тайный агент российских спецслужб, хотя версии такого рода мне доводилось слышать и даже читать.

В конце концов я пришел к выводу, что такая книга, наверное, может представлять известный интерес. Ведь многие имена моих доверителей говорят сами за себя: блестящий шоумен, предприниматель, а ныне сенатор Сергей Лисовский, оригинальный писатель и дипломат Платон Обухов, замечательный певец, общественный деятель и депутат Государственной думы Иосиф Кобзон, бывший министр юстиции, автор историко-правовых книг Валентин Ковалев, великий (не побоюсь этого слова) актер и кинорежиссер Никита Михалков, олимпийские и мировые чемпионки, лыжницы Лариса Лазутина и Ольга Данилова — гордость советского и российского спорта, вдова генерала, депутата Государственной думы, оппозиционного лидера Льва Рохлина Тамара Рохлина и, наконец, Эдвард Сноуден. Да и среди других, кто переступал порог моего кабинета и кого принято называть простыми людьми, было немало тех, чьи судьбы, подчас драматические и даже трагические, достойны внимания читателей. Многие наверняка помнят дела издателя Светланы Исмаиловой, оказавшейся в тюрьме по ложному обвинению, рядового российской армии Андрея Сычева, искалеченного сослуживцами, водителя Олега Щербинского, обвиненного в автокатастрофе с участием губернатора Михаила Евдокимова, российской гражданки Ирины Беленькой, обвиненной в похищении собственного ребенка во Франции, мальчика Глеба Агеева, подвергнувшегося жестокому обращению

в приемной семье, сельского учителя Александра Поносова, «уличенного» в нарушении авторских прав компании Microsoft, жителей района Южное Бутово и членов кооператива «Речник», незаконно выселенных из своих жилищ бывшими московскими властями, дела химиков и ветеринаров, представленных Госнарконтролем в роли «наркодилеров», и другие острые правовые и нравственные конфликты, в разрешении которых мне довелось принять участие. Есть среди этих дел и те, о которых не писали газеты и не сообщало телевидение, но от этого они не стали для меня менее значимыми. Ведь почти всегда от их исхода зависели благополучие, здоровье и даже жизнь отдельного человека.

При отборе этих историй я руководствовался тем общественным интересом, который они, на мой взгляд, представляют, и их внутренним драматизмом, а не тем обстоятельством, в какой мере мне удалось добиться успеха. Есть среди них и такие, которые никак невозможно отнести к моим адвокатским победам. Но кто сказал, что адвоката в России на всех этапах его пути ждут только лавры и розы? В некоторых случаях, там, где права граждан удалось отстоять, это не было моей личной заслугой, поскольку я работал в тесном взаимодействии с другими членами Общественной палаты, которая, вопреки пессимистическим прогнозам критиков, сыграла заметную роль в становлении гражданского общества в России.

Эти истории очень разные, и я старался осветить их по-разному. В каких-то случаях я «уклоняюсь» в политику, где-то стараюсь сосредоточиться на «человеческом факторе», а иногда пытаюсь пригласить читателя на нашу адвокатскую «кухню» — показать, какую работу надо проделать, чтобы отстоять невиновность и доброе имя человека в различных инстанциях, и не только судебных.

В последней главе, где речь идет о моем друге Оливере Стоуне, я, возможно, беру на себя несвойственную роль кинокритика, или, лучше было бы сказать, «киноапологета», но, надеюсь, читатель простит меня, с учетом того восхищения и преклонения, которое я испытываю перед работами Стоуна в кино и перед самой этой личностью.

В моих архивах сохранилось немало уникальных документов и других материалов, связанных с описываемыми здесь историями. Я старался по возможности сверяться с ними, не полагаясь исключительно на память. В то же время такого рода «мемуарные» повествования неизбежно окрашены в какие-то личные тона. Тем более я иногда возвращался во времена моего детства и юности, возможно, проецируя мои нынешние мысли и переживания на ситуации тех далеких лет.

Мне хотелось дать многомерное отражение событий «давно минувших» и совсем недавних дней, и даже в тех персонажах, которых общественное мнение практически единодушно «заклеймило» в качестве злодеев, я стремился отыскать положительные черты. Называйте такой подход «профессиональной деформацией» адвоката, как угодно.

Аналогичное отношение проявилось у меня и к Соединенным Штатам Америки — стране, которая по ряду причин в моей книге упоминается достаточно часто. Очень многое в американской действительности меня восхищает — и я не считаю нужным это скрывать, но столь же многое вызывает недоумение и даже, не побоюсь этого слова, решительное неприятие.

Буду рад, если эта книга даст возможность читателю еще раз мысленно пережить отдельные драматические эпизоды недавней истории, узнать нечто новое про ее героев и антигероев и переосмыслить для себя некоторые актуальные правовые вопросы.

Дело № 1: коробка, перевернувшая страну и мир

Как две женщины
двух генералов победили

Как заметил незабвенный мистер Пиквик, «... fame was dear to the heart of every man», что в дореволюционном русском переводе Иринарха Введенского (имевшего обыкновение «улучшать» переводимый текст) звучит так: «Слава, какая бы ни была, вообще дорога и приятна для человеческого сердца».

О славе мечтает любой адвокат, даже тот, кто это отрицает. В этом нет ничего зазорного. Адвокат, по определению, профессия публичная: в нее идут те, кто обожает общаться с людьми, находиться на виду, ловить восхищенные взоры в зале суда, красоваться перед телекамерами, изображать из себя мыслителя и общественного деятеля. Здесь двух мнений быть не может. Иной вопрос, как этого достигнуть.

Если верить классику американского «адвокатского романа» Джону Гришему, жизнь ординарного адвоката складывается из двух неравноценных составляющих: повседневная юридическая волокита и напряженное ожидание чуда — из ряда вон выходящего эпизода, который всколыхнет общественность и сделает адвоката знаменитым, а стало быть, богатым и влиятельным. У подавляющего большинства адвокатов жизнь так и проходит в ожидании этого чуда. Но некоторым везет. Есть и те, кому везет сказочно. К этим последним я причисляю и себя. Как говорится, стучу при этом по дереву.

Адвокат за террористов не отвечает, или Реквием по адвокатскому слову

Что именно может стать таким чудом? Для дореволюционных российских адвокатов — «детей» великой судебной реформы, решительно проведенной в 60-х годах XIX века либеральным императором Александром II и его «красными бюрократами», ответ на этот вопрос не представлял затруднений: их «звездным часом» становилось сенсационное выступление в зале суда с защитительной речью.

Классический пример — блистательная речь присяжного поверенного Петра Акимовича Александрова в защиту 28-летней революционерки Веры Засулич, обвинявшейся в покушении на убийство 69-летнего градоначальника Санкт-Петербурга Федора Трепова, совершенном 24 января 1878 года. Это ранение обрекло Трепова на тяжелейшие физические страдания и приблизило его кончину. Но общество, в том числе самые высшие его круги, совершенно не сочувствовало заслуженному боевому генералу — все симпатии были на стороне террористки, которая, по ее собственным словам, решила отомстить Трепову за то, что он приказал подвергнуть телесному наказанию политического заключенного Боголюбова (А.П. Емельянова), не снявшего перед ним шапку. (У следствия, впрочем, имелись сведения, что Засулич входила в подпольную боевую организацию и активно готовилась к совершению террористических актов.) В зал суда, где проходил процесс над Засулич, съехались, в числе прочих, либеральные высшие сановники империи, среди них — личные друзья Александра II. И все они — вот парадокс! — горячо сочувствовали подсудимой и жаждали ее оправдания.

Присутствовавший в зале знаменитый адвокат Николай Платонович Карабчевский вспоминал: «После потрясающей по силе и выразительности речи защитника Засулич П.А. Александрова, она была торжественно оправдана, при бешеных рукоплесканиях переполненной залы. Многие плакали от радости, дамы целовали руки Александрову, которого я провожал среди судейской суতোлки и на улице, где овации по его адресу возобновились с новой силой».

Одной этой речью, полагал Карабчевский, «Александров обеспечил себе бессмертие».

Председательствовавший на процессе видный судебный деятель А. Ф. Кони вспоминал: «Оправдание Засулич разразилось над петербургским обществом, подобно электрическому удару, радостно возбудив одних, устранив других и всех равно взволновав. Повсюду только и было разговору, что о нем, а газетные отчеты, сообщая в течение нескольких дней все перипетии процесса, держали общественное любопытство в возбужденном состоянии и знакомили провинцию “с нашею злобою дня”, которая приобретала значение знаменательного общественного явления. В огромной части образованного общества оправдание это приветствовалось горячим образом. В нем видели урок, предостережение; близорукие любители сравнений говорили уже не только о русской Шарлотте Корде, но и о “взятии Бастилии”... Чувствовалось, что приговор присяжных есть гласное, торжественное выражение негодования по поводу административных насилий, и большинство только с этой точки зрения его и рассматривало, окрашивая деятельность суда в политический колорит. В этом же смысле и весьма единодушно высказывалась и петербургская печать. Передовые статьи большей части газет рассматривали решение присяжных именно как протест общественной совести, которая была возмущена явным нарушением закона и грубым насилием и не нашла в себе слова осуждения для той, которая явилась выразительницей негодования, накопившегося в душе многих... Приговор присяжных, быть может, и не правилен юридически, но он верен нравственному чутью; он не согласен с мертвой буквой закона, но в нем звучит голос житейской правды; общество ему не может отказать в сочувствии...»

В нашу эпоху, когда беспощадный терроризм «идейных» фанатиков, вроде боевиков «Аль-Каиды», «Боко Харам» или так называемого «Исламского государства», становится одной из главных угроз благополучному существованию человечества, читателю трудно даже представить, каким образом суд мог оправдать террористку, задержанную на месте

преступления, чья фактическая вина не вызывала ни малейшего сомнения, независимо от мотивов, которыми она руководствовалась. Согласитесь, любой террорист или просто убийца всегда может объяснить свое злодеяние «идейным» мотивом — и что из этого следует? Ничто так не подрывает основы общественного строя, как готовность тех или иных лиц или группировок вершить самосуд в соответствии с собственными представлениями о справедливости. Между прочим, на это обстоятельство указал государственный обвинитель К. И. Кессель в своей речи по делу Засулич. Эта речь, в отличие от речи адвоката Александрова, не является шедевром ораторского искусства, но от этого не утрачивает своего значения в правовом смысле.

«Нужно удивляться, — говорил он, — как не хотят понять, что дурное средство, употребленное для достижения благой будто бы цели, само является фактом, требующим уничтожения. И посмотрите, с какой беспощадной суровостью Засулич стремилась к достижению предположенной ею цели. Самоуверенно предположив, что ее взгляд вполне солидарен со взглядом общества, получив о боголюбковском деле сведения от лиц, не бывших очевидцами этого события, то есть из третьих рук, Засулич сочла возможным устроить какой-то тайный суд над лицом, сделавшим известные распоряжения. Устроив тайный суд, она сочла возможным соединить в своем лице и прокурора, и защитника, и судью; она считала возможным постановить смертный приговор, который она же, молодая женщина, и привела в исполнение, к счастью, не удавшеся. Я ни одной минуты не думаю, чтобы вы могли признать, что подобного рода средства не преступны. Я вполне уверен в вашей согласии с тем, что каждый общественный деятель, кто бы он ни был, имеет право на суд законный, а не на суд Засулич».

Этот взгляд разделяли и другие консервативно настроенные современники. Известный публицист князь В. П. Мещерский с горечью писал: «Торжественное оправдание Веры Засулич происходило как будто в каком-то ужасном, кошмарном сне. Никто не мог понять, как могло состояться в зале суда самодержавной империи такое страшное глумле-